

БОЯН БО ВЕЩЕЙ...

Об Александре Маточкине, современном сказителе

РОДНАЯ РЕЧЬ

Когда-то, в конце далёких теперь уже девяностых прошлого века, мне посчастливилось обучаться на поэтических семинарах Юрия Поликарповича Кузнецова. Такую возможность я получил, поступив на Высшие Литературные Курсы, что ещё с советского времени собирает в Москве Литературный институт имени А. М. Горького. При всей своей молодецкой самоуверенности того времени, мэтра я всегда слушал, затаив дыхание. Хотя, некоторые слова Юрия Поликарповича стал глубже понимать, спустя лишь немалое время.

К примеру, вот это замечание Кузнецова после прочтения подборки моих стихов: «Если вы хотите добротнo писать на русском языке, вам, Андрей, надо пожить какое-то время на русском Севере... Там, где родная речь ещё не утратила своей исходной самобытности и бесхитростной красоты». Узнав, что я приехал на учёбу из Приднестровья, Юрий Поликарпович улыбнулся и добродушно добавил: «Ну, всё правильно, понабрались там одесских словечек...».

Я и сам не мог предполагать тогда, что эта фраза о русском Севере на годы отпечатается в моём сознании и по замысловатым изгибам жизненной тропы приведёт меня к той самой «бесхитростной красоте» самобытного народного слова. На русском Севере я, конечно, не жил и вряд ли стал писать лучше на родном языке, но зато вживую познакомился с настоящей традицией устного народного творчества.

Причём, пришёл я к этому, занимаясь уже практической психологией и исследуя возможности, которые нам может дать для душевного равновесия народная культура, забытые обычаи и старинный уклад жизни. Как писателя, меня конечно всегда интересовало слово. А как психолог, я видел, что русская речь очень точно обозначает различные оттенки душевных чувств и состояний, даёт ценные подсказки о тонком устройстве человека. И потому, если мы хотим глубже понять самих себя — нам не нужно спешить заменять «чувства» на «эмоции», а «душу» на «психику» ...

В этом исследовании однажды я открыл для себя глубину и чарующую тайну русских народных песен. А ещё чуть позже — для меня распахнулось огромное и удивительное пространство старинных сказок, былин, щемящая поэзия северных причетов...

Вот тогда-то я и узнал о человеке, который стал продолжателем живой традиции сказительства. И, по сути, на сегодня является единственным в своём роде исполнителем устного народного творчества, который ездит по стране и кормится от этого древнего

ремесла. Зовут его Александр Александрович Маточкин. Он является уроженцем города Североморск. И к 2010-му году, когда Александру исполнилось 32, он уже получил необходимое образование, теоретически подготовившее его к тому служению, на которое он вышел немного позже. За плечами Маточкина был Санкт-Петербургский университет (исторический и филологический факультеты, а также кафедры археологии и математической лингвистики). Позже окончил магистратуру на кафедре истории русской литературы, магистерскую диссертацию написал по былинам. Также учился в аспирантуре по фольклористике (2007–2010), где тоже занимался былинами.

Теория у него начала соединяться с практикой в 2002 году, когда Александр стал участвовать в фольклорно-этнографических экспедициях филологического факультета СПбГУ. Всё это и было связано с поездками на тот самый русский Север — на Вологодчину и Мезень, в Лешуконье и на Печору... А с 2014-го Маточкин уже стал предпринимать самостоятельные поездки по этим местам, прибавив к ним Псковщину.

Сейчас в интернете можно найти немало материалов, посвящённых деятельности Александра Александровича. Где-то у него берут интервью заинтересованные люди, где-то он сам задаёт тему повествования и раскрывает её.

Поэтому в своём небольшом рассказе о деятельности этого человека я стану опираться, в первую очередь, на свои личные впечатления от общения с ним. А общаться с Маточкиным мне посчастливилось не так уж и мало. Трижды сказитель отзывался на моё приглашение приехать в город Набережные Челны, где мы с единомышленниками устраивали его посиделки, чтобы жители автограда тоже имели возможность познакомиться с этим уникальным видом искусства. В действительности, приглашений было больше. Но наше желание и возможности Александра пересеклись удачно пока четырежды. А если учесть, что удавалось устроить и провести по две встречи за один приезд сказителя, то у нас уже накопился определённый опыт общения и восприятия.

НЕТ АРТИСТА И СЛУШАТЕЛЕЙ, ВСЕ УЧАСТНИКИ

Необычное для современного человека началось уже по ходу самого устройства посиделок. Мы обсуждали с Александром, как именно должно быть обставлено его общение со слушателями. И здесь сказитель сообщил нам, что за время поездок по городам и весям успел испробовать очень разные подходы в устройстве пространства общения. Были выступления и в маленьких комнатках, и в больших залах со сценой, испытывал Александр и возможности звукоусиливающей аппаратуры... Но годы всё равно привели его ближе к тому образу, который можно считать изначальным, то есть в таких условиях, как бытовала устная словесность издавна, как записывали её наши отечественные собиратели на излёте XIX века. Это обстановка вполне обычного домашнего вечера, чаще всего в холодное время года, когда нет хозяйственных работ в поле. Такой досуг крестьяне всегда использовали для других бытовых дел: пряли пряжу, ткали холсты, чинили или изготавливали рыбацкие снасти... Вот и Александр настоятельно просил передать во время приглашения на его посиделки, чтобы люди брали с собой хоть какое-то рукоделие или просто бумагу и карандаши для рисования.

Ведь посиделки — это не концерт, к которому привык современный зритель и слушатель. Это даже не выступление, когда пространство общения чётко делится на сцену и зрительный зал. Такое деление пришло к нам уже в позднее время, как заимствование из западноевропейской культуры. А здесь всё устроено по образу истинного народного праздника, где нет разделения на артистов и слушателей. Любой может не только задать вопрос, но и поделиться своими впечатлениями, попросить сказителя повторить или пояснить какую-то часть истории, а то и поведать какую-то свою байку.

Например, когда мы затронули тему частушек, и Александр спел нам несколько под свою гармонь, эстафету подхватил один местный поэт, коренной житель Набережных Челнов, исполнивший несколько частушек, бытовавших в его родном селе Орловка. Маточкин обратил внимание собравшихся, что вот, мол, они, этнографические сборы, примерно так и могут происходить: кто-то что-то помнит, поскольку это было естественной частью его жизни, такой человек и является самым настоящим носителем былой народной традиции, которую сейчас называют фольклором.

Должен отметить, что, конечно же, не сразу у нас получалось создать атмосферу посиделок. В начале всё шло, как мы привыкли: все помалкивают и ждут движений от выступающего. Но постепенно Александр Александрович раскачивал нас своими разговорами, шутками и вопросами, словно бы растворяя внутренние перегородки общей сдержанности. А на последующих посиделках собравшиеся становились всё более раскованными и смелыми. Среди возникшего общения, как бы сами собой вдруг выплывали — то сказочка, то песня, а то и былина... Вот тогда, как мне кажется, начинало проступать состояние, по крайней мере близкое к тому, что можно назвать посиделками.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ИЛИ КАНОН

Ещё одна удивительная особенность традиционного сказительства, с которой в живую посчастливилось столкнуться, благодаря встречам с Александром Маточкиным — это отсутствие строгой формы при исполнении устного народного творчества. Если быть ещё точнее, то сказитель всякий раз творит былинку как бы заново, видимо, в зависимости от собственного настроения, от состояния собравшихся и ещё каких-то

других неведомых причин. И это — удивительная способность, сочетающая в себе творческое воображение, знание канонического сюжета и владение родной речью.

Эту особенность народной устной словесности отмечал ещё советско-российский этнограф, доктор исторических наук, профессор Кирилл Васильевич Чистов. В своей статье к современному изданию ценнейшего собрания «Причитанья северного края» собранные Е. В. Барсовым от 1872 года, он напоминает читателю о бедном итальянском поэте из «Египетских ночей» А. С. Пушкина. Итальянец, приехавший в просвещённый Петербург, импровизировал перед публикой на заданные темы. Слушатели были поражены. Как говорит один из героев А. С. Пушкина, «здешнее общество не слыхало импровизатора». Но все эти восхищения исходили из-за оторванности от своих корней, которая, как видно, происходила уже в то время. Ведь в русских деревнях той эпохи, в том числе, вокруг Петербурга, ещё сохранялась сходная традиция. Ни какая-нибудь особая плакальщица, но «...каждая деревенская женщина должна была уметь в случае необходимости стихами оплакать покойного мужа или сына, невеста во время свадьбы — своё девичество, родственницы рекрута — его уход на солдатскую службу...»¹.

Когда я спросил Александра Маточкина о том, как ему удаётся импровизировать в ходе сказывания, он ответил, что здесь не всё так просто, поскольку необходимо соблюдать определённое соотношение между собственным складыванием и каноном. С одной стороны, сказитель создаёт текст прямо сейчас, а с другой — «...ни одного слова от себя ты вставить не имеешь права». Ведь основное правило, которого держались сказители, с кем доводилось встречаться Александру, звучало от них буквально так: «не нами это придумано, не нам тут и хозяйничать...». Как такое возможно?

Сам Александр говорит, что это ему удаётся благодаря тому, что он слышал много разных вариантов одного и того же сказания. Например, «Исцеление Ильи» записано от шестнадцати разных сказителей, и это всё разные тексты. Более того, одно и то же сказание, записанное от определённого исполнителя — тоже имеет отличия. Когда сказитель это всё слышал не раз и усвоил, то по ходу сказывания держится канонической канвы сюжета, а при словесном воплощении допускаются определённая свобода: «...строчки переставить, ввести какой-то эпизод». Но образность при этом нужно использовать тоже уже проверенную, «канонически затверженную», народом принятую в продолжении длительного времени. То есть свобода допускается лишь в рамках устоявшейся традиции. К примеру, если сказывается, что «солнышко красное», то оно не может стать по твоей прихоти оранжевым. И если используется сравнение «...то не бела берёзка к земле клонится, то Добрыня поклоняется родной матушке...» — значит, так его и нужно использовать.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СТА́РИН И «ГУЛ ВЕЧНОСТИ»

Другим вопросом, который очень интересовал меня как психолога, был вопрос мировоззрения. Я предполагал, что, пропуская через себя такой большой пласт старинного и даже древнего устного народного творчества, Александр Маточкин должен был бы как-то почувствовать изменение собственного взгляда на мир.

Почему я так думал?

Когда я заслушивался очередным сказанием, которое, надо правильно называть всё-таки старинной, а не былинной, то начинал ощущать изменения в своём

¹ «Причитанья северного края собранные Е. В. Барсовым», Том 1, Санкт-Петербург, из-во «Наука», 1997 г., стр. 400

мировосприятии. Описать словами это трудно. Наверное, самое подходящее здесь сказать, что во время слушания старин, у окружающего мира словно бы появляется новая глубина, дополнительный объём. Причём, каким-то неведомым образом, эта глубина вдруг обретается, становится осязаемой и во мне самом. Как будто и сам я становлюсь более объёмным и глубоким. Может быть, при этом оживляется то содержание нашего сознания, которое австрийский психолог Карл Юнг называл коллективным бессознательным и архетипическими образами? Мы направляем внимание на эти древние слои своего сознания, и они будто бы оживают от этого, как оживают засохшие корни, когда их достигает благодатная влага. Пытаясь выразить это, чувствую, что снова не хватает слов и вспоминаю, как в годы моего ученичества в литинституте Юрий Кузнецов говорил нам о каком-то «гуле вечности». Он зачитывал нам стихи, которые сам считал лучшими образцами русской поэзии и выбирал из них самые удачные строки. Повторял их, делая длинные паузы, чтобы мы могли вчувствоваться, и обращался к нам — «слышите, вот он, гул вечности...».

Иногда мне казалось, что я его слышу, а порой, признаюсь честно — я ничего не чувствовал. Но если теперь, когда речь идёт о сказительстве старин, вдруг вспомнилось об этом, думаю — это не случайно.

О «гуле вечности» Александру Маточкину я ничего не говорил, но спрашивал о том, как повлияло на его мировоззрение столь глубокое погружение в архаичную словесную традицию. «Ну, как, — с улыбкой ответил сказитель, — это всё в тебя заходит, и начинает жить... но объяснить словами такое трудно...». К этому Александр добавил, что настоящее изменение мировоззрения он начал чувствовать, когда стал ездить «за сказками в этнографическую деревню, в старину», то есть — в Вологодскую и Архангельскую области, в Республику Коми. Встречаясь с местными стариками, исследователь устной словесности ощутил огромную разницу в их взглядах на жизнь в сравнении с обитателями современных городов. Отличие это столь велико, что можно без преувеличения назвать это другой цивилизацией... Немного помолчав, Александр поделился тем, что на его взгляд, возможно, указывает на внутренние изменения, произошедшие с ним в ходе погружения в словесные образы древних народных сказаний: «Когда еду в экспедицию и там общаюсь с этими стариками, я себя там чувствую дома,.. в городе же не нахожу сочувствия в разговорах...».

СОХРАНИТСЯ ЛИ ИСКУСТВО СКАЗИТЕЛЬСТВА?

Завершая свой небольшой рассказ об Александре Маточкине, хочу затронуть вопрос о необходимости возрождения старинного искусства сказительства. На мой взгляд, насколько дело это благородное и важное для современной народной культуры, настолько оно и трудное. Особенно для одного человека, который действует, опираясь, главным образом, лишь на собственное желание и понимание того, как всё это нужно делать. Конечно, от равнодушных идёт хоть какая поддержка — находят люди, которые устраивают посиделки, приглашают в различные города и селения. И это важно не только из-за того, что только таким образом можно по-настоящему познакомиться с живой традицией сказительства, но ещё и потому, что Александр кормится сам от этого промысла и добывает пропитание для своей многодетной семьи. А детей у него с супругой Юлией уже семь.

Но как устроитель уже нескольких посиделок Александра Маточкина, должен сказать, что собрать людей на подобное мероприятие не так просто. Настоящее время не случайно ведь называют эпохой «клипового мышления» или «клиповой

культуры», основными качествами которых является кратковременность и быстрая смена образов. А тут звучит старина — вокруг неё минимум украшений, поскольку на русском Севере эти сказания традиционно исполнялись только голосом сказителя, без сопровождения какого-либо музыкального инструмента. Многие слова уже не понятны современному человеку, даже если для него русский является основным языком общения. Повествование в старине течёт неспешно с частыми повторениями одних и тех же речевых оборотов и образных сочетаний. Восприятие старины для современного слушателя — язык не поворачивается назвать развлечением. Слушание сказаний требует внимательного внутреннего труда и даже сотворчества со сказителем. А ещё лучше — для более лучшего восприятия подготовиться, заранее познакомиться со стариной в печатном виде... Так что жанр этот явно не для больших залов и тем более не для стадионов. Двадцать, двадцать пять человек — наиболее приемлемое количество для ладных посиделок. Со слов Александра, примерно 200–250 человек в месяц в среднем бывает на встречах с ним.

Вот и выходит, что даже при почти непрерывных разъездах, и при наличии умелых устроителей посиделок на местах, Александр Маточкин может рассказывать лишь для очень небольшого количества людей... Неужели мы являемся свидетелями последней вспышки умирающей традиции на самом её излёте?!

Но сам Александр относится к этому иначе. Он считает, что мы сами создаём свой мир, и что в него вложим, то и будет у нас: «вот, если бы не было меня, то и обошлись бы...». То есть, пессимизма в отношении дальнейшей жизни традиции сказитель не признаёт. «Всё мы можем сделать, — говорил нам Александр, — уж в рамках своей семьи и близких людей точно каждый может сделать, как пожелает. Трудиться только надо. Как говорят в деревне: «Сколько ты потопал, столько и полопал». А вот в масштабе целой страны, тут необходимо учитывать то, что и другие строят свой мир так, как им хочется, поэтому — надо приживаться и находить точки соприкосновения...».

Кстати, Маточкин и эту свою размеренную уравновешенность отметил, как ещё одно глубинное воздействие на него того мировоззрения, что несут в себе старины. «Раньше я ревностен был, а теперь успокоился и иду ровнее. Есть люди, которые учатся у меня потихоньку, но по стране ещё никто не ходит. Может, время ещё не пришло... А вот начнёт стареть Маточкин, кто-то и спохватится...», — с улыбкой говорил мне Александр.

Я стремлюсь здесь доверять чутью сказителя и настраиваю себя на положительный лад. Лет десять назад, когда я ещё не был знаком с Александром Маточкиным, мне довелось работать над своей современной музыкальной версией старины «Путешествие Вавилы со скоморохами». Это сказание было единственной в своём роде скоморошьей стариной, впервые записанной ещё в 1899 году у известной народной сказительницы Марии Кривополеновой в деревне Шотогорке Пинежского уезда. Я искал материалы, чтобы больше узнать об этой старине, и мне попались слова русского писателя и фольклориста, Бориса Шергина, кстати, очень почитаемого Маточкиным: «Русский Север — это был последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополеновой совершился закат былины и на Севере».

А вот и не совершился! И очень надеюсь — не совершится никогда.

